

## **Н.М. НИКОЛЬСКИЙ И «ДРУГАЯ» СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНОСТИ<sup>1</sup>**

В советской историографии были «победители» и «проигравшие»: те историки, чьи идеи ложились в основу общих концепций, и превращались в аксиоматические утверждения, и те, чьи мысли трактовались как интересные, но недоказанные, постепенно исчезая из научного и образовательного процесса. Сейчас, наибольшее критическое внимание уделено, конечно, тому, что стало советской историографической классикой, тем более, что идеи тех историков, которые были возведены на пьедестал, кажется сравнительно просто критиковать в современном контексте. По контрасту, всё, что не вошло в этот «стандартный набор», воспринимается как несистемное исключение, и такой автор может представлять либо как борец с системой, либо как борец против крайностей применения марксистской теории. В то же время, очевидно, что чётких граней между «периферийной» и «базовой» историографией провести нельзя, как нельзя сводить и принципы анализа к тому, что тот или иной исследователь был непохож, если говорить об историографии древности, на Струве или Мишулина.

И всё же проблема «другой» советской историографии древности действительно существует. Но для того, чтобы установить реальную систему координат, необходимо последовательное и методологически аккуратное изучение предмета. Мы попробуем рассмотреть творчество Н.М. Никольского в качестве примера исследователя, который в советской историографической традиции явно воспринимался как «другой», показать особенности и истоки его общетеоретических взглядов и исторических концепций, предположить причины его «поражения» и последствия этого для исторической науки.

Первый вопрос в этом рассмотрении – сущностный. Был ли Н.М. Никольский «другим» марксистом? Отличался ли его марксизм от «классического» советского истмата?

Ответ зависит от того, какую терминологию мы будем использовать. Дело в том, что при советском строе Никольский творил в течение, условно говоря, двух периодов в истории советской исторической мысли: преднормативного (с 20-х гг. до середины 30-х гг.) и «классического» нормативного (середина 30-х – начало 50-х гг.). В первый из этих периодов в СССР шло активное освоение марксистской теории, связанное с упорядочением и публикацией сочинений Маркса и Энгельса, затем также

---

<sup>1</sup> Публикуется в авторской редакции.

Ленина. Создавалась своеобразная ситуация: с одной стороны, марксизм, со своими претензиями на то, чтобы быть всеобъемлющей научной доктриной, неизбежно должен был выглядеть как в основе своей законченное и стройное учение, с другой стороны, полного согласия о её содержании достигнуто пока не было. С конца 20-х гг. нарастают тенденции к упорядочиванию, но даже здесь процесс был заметно растянут: к 1933 г. возникает в общих чертах схема пяти общественно-экономических формаций, а только в 1938 г. появляется первая нормативная трактовка теории.

Из всего вышесказанного следует важный вывод: до определённого времени в России и даже в Советской России быть марксистом вовсе не означало по преимуществу придерживаться единообразной схемы смены основных способов производства. В случае с Никольским, который определился со своими марксистскими взглядами задолго до революции, это обстоятельство имело решающее значение. Кроме него из всех историков древности в сходном положении находился только А.И. Тюменев, в то время как большинство исследователей начинают переход под знамёна марксизма в 20-е гг., часто даже в конце 20-х гг. В этом расхождении в полтора-два десятка лет кроется суть различий: безусловно, Никольский рассматривал свои взгляды как марксистские, а то, что он видел в древности крепостническую и капиталистическую тенденции, никак не противоречит этому самовосприятию.

Главное, что делало марксиста марксистом в преднормативный период – признание примата экономического начала и внимание к проблеме эксплуатации высшими классами низших. История у Маркса выглядит столь единообразной потому, что базовые иллюстрирующие примеры касаются почти исключительно истории Запада. Из этого состояния естественно проистекают два возможных толкования (пути развития) теории: либо история единообразна прежде всего в смысле базовой идеи, проявления которой за пределами западного культурного круга могут существенно отличаться; либо история единообразна в том смысле, что все стадии и особенности, открытые для одного региона, в той или иной форме (с необходимыми поправками и ссылками на географические различия) будут воспроизводиться и во всех остальных.

Никольский склонялся к варианту разнообразия, который был вполне органичен на дореволюционном этапе развития отечественной (да и мировой) науки. В.В. Струве строил свою марксистскую концепцию в начале 30-х гг., когда стремление к прямолинейному единообразию стало фактически общей установкой советской культуры: ведь первая позиция выглядела слишком похожей на обычную «буржуазную» точку зрения; а кроме того, «старые марксисты» были в явном численном меньшинстве. В период формирования нормативного марксизма их позиции стали постепенно восприниматься как периферийные, «другие».

Что же это было – разгром или отступление? Если смотреть с точки зрения начальных позиций и итоговой расстановки сил, то, безусловно, Никольский проиграл Струве борьбу за видение древневосточного общества.

В начале 30-х гг. Никольский занимал вполне прочные позиции в науке и под его началом выходит первый учебник для средней школы по истории древнего мира [4], появившийся именно тогда, когда уже была предложена концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке.

Учитывая то, насколько эта концепция была необычной и то, что Никольский не участвовал непосредственно в основных дискуссиях об азиатском способе производства конца 20-х – начала 30-х гг., легко представить себе, насколько ясной для него представлялась несостоятельность идей Струве. Ему казалось очевидным, что трудящийся класс зависимых работников при III династии Ура следует определять по аналогии с крепостными крестьянами. Утверждение Струве, что эти работники трудились на государственных (храмовых) полях круглый год, получая за эту работу лишь паёк, а следовательно, в экономическом смысле являлись рабами [10, 53-58; 11], он полагал построенным на сомнительном анализе источников. Он быстро втянулся в спор, в котором намеревался полностью разгромить противника. Однако, как выяснилось вскоре, восприятие Никольским гурушей как крепостных основывалось скорее на возможном чтении источников, чем на безупречной их обработке, кроме того, Струве привлёк для усиления своей позиции новые данные [5; 9].

Параллельно этой схватке вокруг чтения источников шёл другой процесс, начатый в рамках целой государственной системы – возвращение истории в систему образования происходило вместе с утверждением в этой системе единообразного толкования марксистской теории. Струве, который говорил о едином рабовладельческом периоде для Запада и Востока, идеально вписывался в общую тенденцию. Учебник Никольского сперва был дополнен различными оговорками [8] и переделан [3], а затем и вовсе был издан новый учебник под редакцией А.В. Мишулина [2]; похожие процессы шли и в высшем образовании. Наконец, знаменитый историко-теоретический параграф сталинского учебника по истории партии [1], который утвердил наступление эпохи нормативного марксизма в СССР, не оставлял возможности ни для каких иных трактовок древней истории.

Но критический тон со стороны Никольского по отношению к Струве не снизился в последующее десятилетие, хотя изменилось его направление. Признавая общую характеристику древневосточных обществ как рабовладельческих, минский историк начинает критику Струве по вроде бы частному вопросу об эволюции шумерской общины [6]: позиции Струве по этому вопросу об общине имели достаточно слабых мест. Продолжал историк отстаивать и отличный взгляд на роль и степень распространения рабовладения на Древнем Ближнем Востоке [7]. Здесь уже его позиции оказались безупречны: с одной стороны, он смог привести достаточно примеров, указывающих на то, что использование купленных рабов в основных отраслях производства было редкостью в истории Месопотамии. С другой, он так и не смог доказать, что гуруши при III династии города Ура были лишь зависимыми крестьянами, а не фактическими рабами. Так, частично соглашаясь со Струве, Никольский заявил, что иногда в храмовых

сводках рабочей силы использование формулы человекодня («х гурушей на х дней») означает эксплуатацию постоянных работников, а иногда нет, но не объяснил при этом, почему шумерские писцы могли использовать одну и ту же формулу в разных смыслах.

Сложно сказать, насколько далеко собирался Никольский зайти в критике Струве. С одной стороны, в 40-е гг. было вполне очевидно, что вернуться к трактовке шумерского общества как феодально-крепостнического совершенно нереально. С другой стороны, иногда в способе ведения полемики со Струве проглядывают черты, которые могут создавать ощущение сознательного применения «эзопова языка»: признание на уровне общих деклараций обязательных положений с их пошаговым дезавуированием при обращении к детальному анализу. Вопрос о влиянии Никольского на последующее развитие советской историографии также во многом остаётся открытым. Близким путём полемики со Струве вскоре пошли А.И. Тюменев и особенно И.М. Дьяконов. Но для этих исследователей Никольский служил не предтечей, а в лучшем случае примером.

В завершение мы считаем нужным поставить вопрос, ответ на который будет выражен только в форме частного мнения. Если бы позиции Н.М. Никольского были более сильны (например, если бы у него появились ученики), оказало ли бы это существенное воздействие на развитие советской историографии древности?

По нашему мнению, ответ должен быть отрицательным. Как было уже отмечено выше, советская культура с начала 30-х г. стремилась к монолитным смыслам. В этой системе координат нужно было либо побеждать, либо проигрывать. «Проигравшие» должны были признавать поражение. А «победитель» в любом случае не оставался прежним – приобретённый статус менял его и подталкивал к возможно более полному утверждению своих позиций. Не нужно думать, что от личности «победителей» зависело слишком уж многое – сама система советского эволюционного отбора заставляла примыкать к определённой линии поведения и даже трактовки материала.

#### ***Список литературы:***

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. ЦК ВКП (б). М., 1938.
2. История древнего мира: учебник для 5-6 классов средней школы / под ред. А. В. Мишулина. М., 1940.
3. Ковалёв С.И., Мишулин А.В., Никольский Н.М., Сванидзе А.С. История древнего мира. Часть I. Древний Восток и Греция. Учебник для 5-го класса неполной средней школы. М., 1935.
4. Никольский Н.М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир: учебник для средней школы, 5-й год обучения. М., 1933.
5. Никольский Н.М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке (По поводу статьи В.В. Струве «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура», С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882-1932 гг., Сборник статей, Л., Изд. АН СССР, 1934 г.) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 207–210.

6. Никольский Н.М. Община в Древнем Двуречье // ВДИ. 1938. № 4. С. 72–98.
7. Никольский Н.М. Рабство в Древнем Двуречье // ВДИ. 1941. № 1. С. 45–63.
8. Никольский Н.М., Ковалёв С.И. Как преподавать древнюю историю в 1934-35 учебном году // История в средней школе. 1934. № 3. С. 39–43.
9. Струве В.В. Ещё раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н.М. Никольскому) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 211–222.
10. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока / В. В. Струве // Известия ГАИМК. Вып. 77. Л., 1934. С. 32–111.
11. Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н.э.) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882-1932: сборник статей. Л., 1934. С. 495–507.